

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Иванъ Бунинъ. Божье древо. Изд. «Современныя Записки». 1931 г. Парижъ.

Еще въ 1926 году въ своей статьѣ о Бунинѣ (по поводу «Митч-лой Любви») я писалъ, что въ творествѣ этого писателя какъ будто намѣчается нѣчто новое. «Жизнь Арсеньева» вполне оправдала мое предчувствіе.

То, что въ прежнихъ вещахъ было самымъ существеннымъ, самымъ главнымъ, самымъ бунинскимъ, въ новомъ романѣ отступаетъ на второй планъ. Конечно, и въ «Арсеньевѣ» картины Россіи — дворянско-деревенской, мѣщанско-городской, интеллигентски-революционной — даны съ тою же стереоскопическою рельефностью, въ которой Бунинъ не знаетъ соперниковъ. Но все это для «Арсеньева» не характерно и въ немъ не важно. За это изумительное изобразительство Бунина, по старому, хочется благодарить, но не оно, по новому, влечетъ къ нему. Новое въ «Арсеньевѣ» не пластика, а музыка. Нѣкое, непередаваемое словами звучаніе тверди небесной, той тверди духовной, подъ которой развертываются судьбы Россіи и судьба Арсеньева. Съ этой «музыкальной сферой» сливаются воспоминанія Арсеньева не только о своихъ предкахъ, не только о раннемъ влияніи на него великихъ зачинателей новой русской культуры — воспоминанія о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Баратынскомъ, Гоголѣ, но и о гораздо болѣе древнихъ звукахъ, неизвѣстно какъ дошедшихъ до мальчика, неизвѣстно кѣмъ завѣщанныхъ ему, о звукахъ органа въ древнихъ церквахъ, о звонѣ средневѣковыхъ мечей.

Тема памяти сущностно связана съ темой смерти. Читая «Арсеньева», всѣмъ существомъ чувствуешь, что преображающая глубина бунинской памяти есть реальная власть надъ обезображивающимъ безпамятствомъ большевизма, что она не просто память, но уже вѣчная память панихиды.

Тотъ же «литургически пахучій дымъ ладана», синія, стелется и надъ картинами той изумительной Россіи, которую Бунинъ запечатлѣлъ въ своихъ «странствіяхъ» («Божье Древо»). На двадцати трехъ страницахъ, написанныхъ съ предѣльною простотой, доступною только изощреннѣйшему мастерству, изображена и Россія революціоннаго ада и Россія нетлѣнныхъ святыхъ.

Революціонный адъ данъ сильно, но сдержанно. Никакія свои воспоминанія въ духѣ «Окаянныхъ дней» не тревожатъ больше мнѣ.

ра и правды бунинской памяти. И потому въ ея глубинѣ, въ атмосферѣ высокой, прозрачной осенней прохлады такъ скорбно и все же свѣтло возникаютъ одинъ за другимъ лики Россіи: монастыри — Даниловъ въ Москвѣ, Макарьевскій на Волгѣ, монастырь Саввы съ соборомъ XIV вѣка, Троицкая Лавра; старинная помѣстье — Измайловское, вотчина царя Алексѣя Михайловича, Троицкое Румянцевъ, Остафьево, гдѣ въ кабинетѣ Карамзина подлѣ стекла лежатъ вещи Пушкина и другія не столь знаменитыя, но столь же дорогія памятливому сердцу. Странствуя по монастырямъ и помѣстьямъ, городамъ и селамъ, Бунинъ то раскроетъ передъ нами рукописи древняго монаха — «Замогильныя лѣтописи созерцанія», то покажетъ хранящійся въ Лаврѣ кафтанъ Ивана Грознаго, то сообщитъ выписку изъ старой книги о селѣ Измайловѣ, то напомнимъ древнее слово о суровомъ подвижникѣ. Такъ возникаетъ въ «странствіяхъ» незапамятная, нерушимая Русь Въ скорбномъ лиризмѣ, которымъ исполнены «Странствія», слышится острая боль, боль прощанія Россіи съ Русью. Слышится и тревожный вопросъ: правда ли, что не разрушится нерушимое, не забудется незапамятное? И все это дано безъ всякой ложной романтики, безъ тѣхъ «пѣтушковъ», что такъ пазовито торлазаны въ эмигрантскихъ изданіяхъ, въ разныхъ нашихъ «Пасхлх.» и «Вѣрбахъ», безъ тѣхъ «березокъ», что такъ досадно снижаютъ подлинный лиризмъ эмигрантской памяти Во всемъ полное отсутствіе нестрой дубочной ярмарочно-декоративной живописности; все строгая, отчетливая иконопись.

Надъ странствіями нѣтъ эпитафия, но первый кусокъ ихъ кончается словами, которыя могли бы послужить таковымъ. Это слова апостола Господня, сказанныя Іоанну Многострадальному: «это свѣтъ твоей скорби свѣтитъ тебѣ, Іоаннъ»

Кромѣ «странствій» въ «Божьемъ Древлѣ» собрано Буниниамъ сорокъ девять разказовъ. Изъ нихъ сорокъ шесть совсѣмъ коротенькихъ: отъ полутора страницъ до восьми строкъ Эти «короткіе разказы» представляютъ собой для русской литературы совершенно новую форму. Ихъ чтеніе, не напоминая стихотвореній въ прозѣ Тургенева, вызываетъ въ памяти, съ одной стороны (что вполнѣ естественно), короткіе разказы Петра Альтенберга — въ особенности разказъ «Слонъ», совершенно альтенберговскій, даже и по сюжету — а, во-вторыхъ (что далеко не такъ естественно), нѣкоторые и въ художественномъ отношеніи замѣчательные философскіе фрагменты Киркегаарда. Думается, что эта послѣдняя, не естественная ассоціація объясняется тѣмъ, что короткіе разказы Бунина выросли не только изъ чисто художественной «жажды запечатлѣнія жизни, но и изъ глубокаго раздумья надъ ней Въ нихъ раскрывается та сторона бунинскаго дарованія, которая влекла его къ стиху Какъ стихи Бунина, такъ и короткіе разказы философичнѣе и метафизичнѣе его остальной (до арсеньевской) прозы. Почти весь короткіе разказы настоятельны на мысляхъ. Читая ихъ, — одинъ за другимъ, — чувствуешь, что пишешь очень крѣпкій и горькій напитокъ. Крѣпкій потому, что Бунинъ глубоко честенъ и серьезенъ въ своихъ вопросахъ ихъ ч...

держенъ на всякую безответственную выдумку; горькій потому, что онъ не даетъ никакихъ отвѣтовъ. Последняя форма его жизненной мудрости — удивленіе: то восторженное, то умилненное, то гнѣвное, то скорбное; но всегда творческое и потому всегда далекое отъ того дешеваго скептицизма, что перѣдко соприкасается съ пошлостью.

Одержимѣ всего Бунинъ въ своихъ раздумьяхъ о смерти. Смерти посвящены пѣлыхъ шесть рассказовъ. Два изъ нихъ убійству. Первый рассказъ «Къ роду отцовъ своихъ» потрясаетъ тою громадною художественною силою, съ которой въ немъ слиты воедино два несліянныхъ, хотя и пераздѣльныхъ лика смерти: ликъ ея неземной красоты и ликъ ея земного зловонія. «Къ роду отцовъ своихъ» — это ладанъ надъ падающею. Такъ страшно, правдиво и несмотря на весь свой неприкрытый реализмъ все же сокровенно религиозно о смерти въ Россіи никто еще не писалъ. Хочется отмѣтить еще «убійство» Въ двадцати восьми строкахъ рассказанъ трагическій романъ жепщины, убившей своего любовника. Читателю видно все: не только показанное авторомъ — ея домъ, красота, богатство, страсть, но и непоказанное — ея случайный, не по любви бракъ, лишь во вдовствѣ проснувшаяся первая любовь, судъ присяжныхъ и оправдательный приговоръ. Эта большая и сложная повѣсть въ одну страницу, совершенно изумительная по точности и насыщенности рассказа вещь.

Наряду съ темой смерти сильнѣе всего звучитъ въ короткихъ рассказахъ тема острыхъ жизненныхъ разногласій: горбунъ, пришедшій на свиданіе съ прекрасной незнакомкой и убитый тѣмъ, что его встрѣтила разряженная горбунья; бывшая артистка императорскихъ театровъ, ежегодно съ бьющимся сердцемъ выступающая на литературно-музыкально-вокальномъ вечерѣ въ пользу недостаточныхъ учениковъ пятой гимназіи; нищая, убогая домашняя жизнь студента бѣлоподкладочника, завсегдагая богатыхъ петербургскихъ гостиницъ и шикарныхъ ресторановъ.

Много короткихъ рассказовъ посвящено, конечно, Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ — моментальные снимки съ природы, но всегда только съ природы, типически отображающей сущность Россіи: ея много-сложный ликъ, ея жестокой исторической путь. Нѣкоторые только текія словесныя оправы какого-нибудь острого народнаго слова.

Мужикъ, не моужій на семитку купить квасу — «капиталь не дозволяетъ!» — это ли не русская бѣдность.

Староста «отъ кометны» забивающій слуховое окно — это не не русская слѣпота.

Баба къ барину охотнику: «что же это вы, баринъ, не спите? Ишь, ужъ не рано, пѣтухи опѣваютьъ ночь» — это ли не народная поэзія.

Всѣ рассказы, конечно, очень «сдѣланы». Но сдѣланы такъ мастерики, что ихъ сдѣланность не видна. Это искуснѣйшей рукой ограненные камни, кажушіяся природными кристаллами. Даръ такого обмана есть высочайшая правда творчества: печать совершенства.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы отмѣтить нѣкоторые, какъ мнѣ кажется, новые приемы бунинскаго письма. На первый взглядъ какъ будто бы ничего не измѣнилось. Но, вчитываясь внимательно, тамъ-

чаешь слѣдующее: во-первыхъ, нѣкоторую импрессионистическую эзотропность выраженія, которой въ прежнемъ Бунинѣ, какъ будто, не было; напримѣръ: «лысый еврей... который... съ бѣшеной страстью жметъ и бьетъ смычкомъ по скрипкѣ» или лѣтужи, которые поютъ, «какъ неживые»; а, во-вторыхъ, такую типичность описанія, которая даетъ уже не только внѣшній образъ явленія, но какъ бы анализъ его.

«Онъ (красноармеецъ), обросъ густой красной бородой. Крутые, прозрачно-коричневые глаза стоятъ, какъ у филина. Стриженная голова имѣетъ форму гроба». На первый взглядъ, самый обыкновенный рисунокъ. Но я чувствую въ красной бородѣ красный кумачъ революціи; при упоминаніи стоящихъ, какъ у филина, глазъ невольно наталкиваюсь на мысль, что, какъ филинъ спитъ днемъ, такъ и народъ остѣпъ отъ свѣта революціи, и живые влія перелѣтѣли собою голову, имѣющую форму гроба, и вдругъ чувствую связь выраженія и преступленія, какъ центральную тему революціи. Такихъ примѣровъ можно было бы найти много. Я знаю, что своимъ анализомъ я убиваю живую душу бунинскаго описанія: упрощаю и опрощаю рисунокъ. Ясно, что Бунинъ въ процессѣ письма не думалъ о томъ, что я въ его разсказѣ искрываю. Однако, безсознательно это въ немъ все же очевидно думалось: — ипаче мнѣ не объяснить моихъ мыслей о его красноармейцѣ.

Закрывая «Божье Древо», испытываешь много разныхъ чувствъ. Но — прежде всего радость, о томъ, что писатель, давший такъ много, какъ Бунинъ, все еще продолжаетъ духовно расти и творчески преобразоваться.

Федоръ Степунъ.

Д. Мережковскій. Тайна Запада Атлантида-Европа. Бѣлградъ. Русская Библиотека. 1931 г.

Въ краткой рецензіи невозможно передать идейное богатство этой новой книги знаменитаго русскаго писателя. Да и рецензію о ней полагаюсь бы писать не мнѣ, а скорѣе М. И. Ростовцеву: не обладая знаніями въ области, на изученіе которой Д. С. Мережковскій положилъ долгіе годы, я не могу касаться того, что все-же составляетъ существо книги. — спора объ Атлантидѣ. А основныя мысли автора уже были хорошо изложены на страницахъ главныхъ эмигрантскихъ газетъ, и навово излагать ихъ бесполезно, — вдобавокъ никакой пересказъ не дастъ надлежащаго представленія о книгѣ. Значительность поднятыхъ въ ней вопросовъ и всемірная извѣстность Д. С. Мережковскаго даютъ полное право рассчитывать, что всякій образованный русскій прочтетъ «Атлантиду-Европу».

Самъ авторъ книги, впрочемъ, въ это плохо вѣритъ. «Книга эта письмо въ буздыкъ, брошенное въ море съ тонущаго корабля», — пишетъ онъ еще въ «Тайнѣ Трехъ». Объ этихъ своихъ словахъ онъ напоминаетъ и въ «бесполезномъ предисловіи» къ новому своему труду. Замѣтимъ, что по силѣ и блеску выраженія «бесполезное предисловіе» относится къ самымъ замѣчательнымъ частямъ книги. Харак-